

В. М. ГАРШИН

Лягушка-путешественница

лучшие рассказы
**О ЖИВОЙ
ПРИРОДЕ**

С ВОПРОСАМИ И ОТВЕТАМИ
ДЛЯ ПОЧЕМУЧЕК

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
БИОЛОГИЧЕСКИЙ

МУЗЕЙ

ИМ. К. А. ТИМИРЯЗЕВА

РЕКОМЕНДУЕТ

Аванта

Всеволод Михайлович Гаршин
Лягушка-путешественница.

С вопросами и ответами
для почемучек

Серия «Лучшие рассказы о
живой природе с вопросами
и ответами для почемучек»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25743571

Лягушка-путешественница. С вопросами и ответами для почемучек/ В.

М. Гаршин; И. М. Пескова: АСТ; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-104751-1

Аннотация

В книгу замечательного писателя, поэта и художественного критика Всеволода Михайловича Гаршина «Лягушка-путешественница» вошли яркие эмоциональные рассказы и сказки: «То, чего не было», «Сказка о жабе и розе», «Сказание о гордом Аггее», «Сигнал», «Художники», «Встреча» и другие. Наша книга подарит детям и взрослым уникальную возможность прочитать эти произведения с комментариями биолога, найти

ответы на самые частые вопросы и по-новому взглянуть на окружающий нас мир!

Для младшего и среднего школьного возраста.

Содержание

Сказки	7
Лягушка- путешественница	8
Справочное бюро	15
Что за пёстренькая лягушка?	15
Почему лягушки не квакают осенью?	16
Неужели утка не может проглотить лягушку?	16
Что такое юг? Куда летят утки?	16
У какого дерева мог быть такой прочный прутик?	17
На какой высоте летают утки?	18
Что такое рожь? Зачем её молотят?	18
Есть ли у лягушки сердце?	19
Attalea princeps	20
Справочное бюро	31
Что такое оранжерея?	31
Какую пищу отнимали друг у друга растения? Что за пища у растений?	32
Что это за пальма? Какая она?	33
Пальмы и кактусы живут в разных местах?	34
Что за растение древовидный папоротник?	35

Что это за травка?	36
Почему на юге у деревьев листья большие, а на севере маленькие?	38
Почему был такой звук? Пальмы пустотелые?	39
Неужели тропические деревья сразу погибают от холода? Какие температуры они выдерживают?	40
То, чего не было	42
Справочное бюро	48
Что за система измерения по Реомюру?	48
Зачем собака так дышала? Это помогает от жары?	48
Зачем навозный жук катает шар? Как это помогает вырасти новым жукам?	49
На какую высоту может прыгнуть кузнечик?	50
Как это происходит? Гусеница должна умереть, чтобы появилась бабочка?	51
Как у ящерицы отрастает новый хвост?	52
Сказка о жабе и розе	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

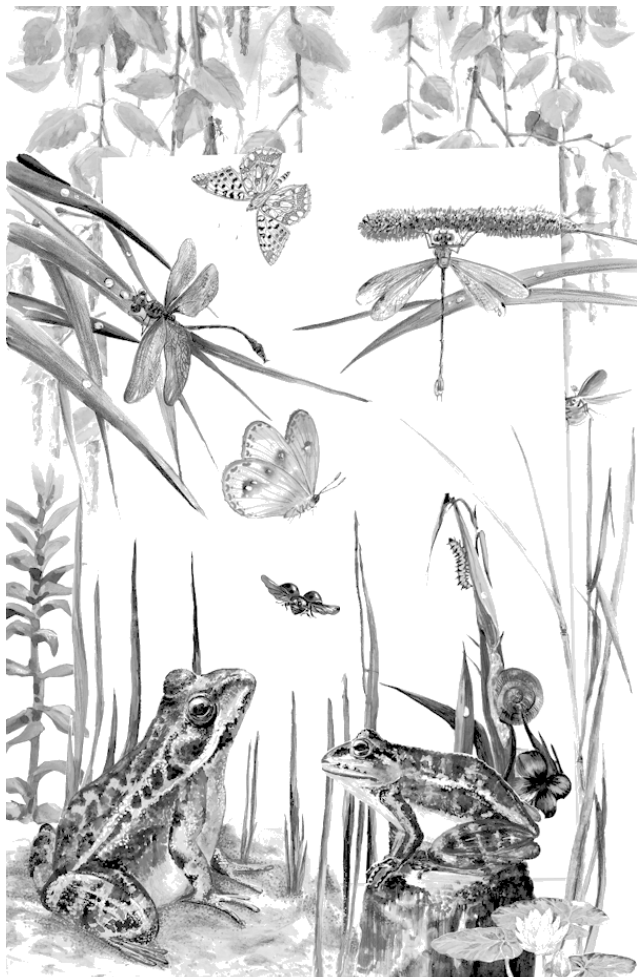
**Всеволод
Михайлович Гаршин
Лягушка-путешественница.
С вопросами и ответами
для почемучек**

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Сказки

Лягушка- путешественница

Жила-была на свете лягушка-квакушка. Сидела она в болоте, ловила комаров да мошку, весною громко квакала вместе со своими подругами. И весь век она прожила бы благополучно – конечно, в том случае, если бы не съел её аист. Но случилось одно происшествие. Однажды она сидела на сучке высунувшейся из воды коряги и наслаждалась тёплым мелким дождиком.

«Ах, какая сегодня прекрасная мокрая погода! – думала она. – Какое это наслаждение – жить на свете!»

Дождик моросил **по её пёстренькой лакированной спинке**; капли его подтекали ей под брюшко и за лапки, и это было восхитительно приятно, так приятно, что она чуть-чуть не заквакала, но, к счастью, вспомнила, что была уже осень и что **осенью лягушки не квакают**, – на это есть весна, – и что, заквакав, она может уронить своё лягушечье достоинство. Поэтому она промолчала и продолжала нежиться.

Вдруг тонкий, свистящий, прерывистый звук раздался в воздухе. Есть такая порода уток: когда они летят, то их крылья, рассекая воздух, точно поют, или, лучше сказать, посвистывают. Фью-фью-фью-фью – раздаётся в воздухе, когда летит высоко над вами стадо таких уток, а их самих даже и не видно, так они высоко летят. На этот раз утки, описав огромный полукруг, спустились и сели как раз в то самое болото, где жила лягушка.

– Кря, кря! – сказала одна из них. – Лететь ещё далеко; надо покушать.

И лягушка сейчас же спряталась. Хотя она и знала, что **утки не станут есть её**, большую и толстую квакушку, но всё-таки, на всякий случай, она нырнула под корягу. Однако, подумав, она решилась высунуть из воды свою лупоглазую голову: ей было очень интересно узнать, куда летят утки.

– Кря, кря! – сказала другая утка, – уже холодно становится! Скорей на юг! Скорей на юг!

И все утки стали громко крякать в знак одобрения.

– Госпожи утки! – осмелилась сказать лягушка, – что такое юг, на который вы летите? Прошу извинения за беспокойство.

И утки окружили лягушку. Сначала у них явилось желание съесть её, но каждая из них подумала, что лягушка слишком велика и не пролезет в горло. Тогда все они начали кричать, хлопая крыльями:

– Хорошо на юге! Теперь там тепло! Там есть такие славные тёплые болота! Какие там червяки! Хорошо на юге!

Они так кричали, что почти оглушили лягушку. Едва-едва она убедила их замолчать и попросила одну из них, которая казалась ей толще и умнее всех, объяснить ей, **что такое юг**. И когда та рассказала ей о юге, то лягушка пришла в восторг, но в конце всё-таки спросила, потому что была осторожна:

– А много ли там мошек и комаров?

– О! целые тучи! – отвечала утка.

– Ква! – сказала лягушка и тут же обернулась посмотреть, нет ли здесь подруг, которые могли бы услышать её и осу-

дить за кваканье осенью. Она уж никак не могла удержаться, чтобы не квакнуть хоть разик.

– Возьмите меня с собой!

– Это мне удивительно! – воскликнула утка. – Как мы тебя возьмём? У тебя нет крыльев.

– Когда вы летите? – спросила лягушка.

– Скоро, скоро! – закричали все утки. – Кря, кря! кря! кря! Тут холодно! На юг! На юг!

– Позвольте мне подумать только пять минут, – сказала лягушка, – я сейчас вернусь, я наверно придумаю что-нибудь хорошее.

И она шлёпнулась с сучка, на который было снова влезла, в воду, нырнула в тину и совершенно зарылась в ней, чтобы посторонние предметы не мешали ей размышлять. Пять минут прошло, утки совсем было собрались лететь, как вдруг из воды, около сучка, на котором она сидела, показалась её морда, и выражение этой морды было самое сияющее, на какое только способна лягушка.

– Я придумала! Я нашла! – сказала она. – Пусть две из вас возьмут в свои клювы прутик, а я прицеплюсь за него посередине. Вы будете лететь, а я ехать. Нужно только, чтобы вы не крикали, а я не квакала, и всё будет превосходно.

Хотя молчать и тащить хоть бы и лёгкую лягушку три тысячи вёрст не бог знает какое удовольствие, но её ум привёл уток в такой восторг, что они единодушно согласились нести её. Решили переменяться каждые два часа, и так как

уток было, как говорится в загадке, столько, да ещё столько, да полстолько, да четверть столько, а лягушка была одна, то нести её приходилось не особенно часто. Нашли хороший, **прочный прутик**, две утки взяли его в клювы, лягушка прицепилась ртом за середину, и всё стадо поднялось на воздух. У лягушки захватило дух **от страшной высоты, на которую её подняли**; кроме того, утки летели неровно и дёргали прутик; бедная квакушка болталась в воздухе, как бумажный паяц, и изо всей мочи стискивала свои челюсти, чтобы не оторваться и не шлёпнуться на землю. Однако она скоро привыкла к своему положению и даже начала осматриваться. Под нею быстро проносились поля, луга, реки и горы, которые ей, впрочем, было очень трудно рассматривать, потому что, вися на прутике, она смотрела назад и немного вверх, но кое-что всё-таки видела и радовалась и гордилась.

«Вот как я превосходно придумала», – думала она про себя.

А утки летели вслед за нёсшей её передней парой, кричали и хвалили её.

– Удивительно умная голова наша лягушка, – говорили они, – даже между утками мало таких найдётся.

Она едва удержалась, чтобы не поблагодарить их, но, вспомнив, что, открыв рот, она свалится со страшной высоты, ещё крепче стиснула челюсти и решила терпеть. Она болталась таким образом целый день: нёсшие её утки переменились на лету, ловко подхватывая прутик; это было очень

страшно: не раз лягушка чуть было не квакала от страха, но нужно было иметь присутствие духа, и она его имела. Вечером вся компания остановилась в каком-то болоте; с зарёю утки с лягушкой снова пустились в путь, но на этот раз путешественница, чтобы лучше видеть, что делается на пути, прицепилась спинкой и головой вперёд, а брюшком назад. Утки летели над сжатыми полями, над пожелтевшими лесами и над деревнями, полными хлеба в скирдах; оттуда доносился людской говор и стук цепов, которыми молотили **рожь**. Люди смотрели на стаю уток и, замечая в ней что-то странное, показывали на неё руками. И лягушке ужасно захотелось лететь поближе к земле, показать себя и послушать, что об ней говорят. На следующем отдыхе она сказала:

– Нельзя ли нам лететь не так высоко? У меня от высоты кружится голова, и я боюсь свалиться, если мне вдруг делается дурно.

И добрые утки обещали ей лететь пониже. На следующий день они летели так низко, что слышали голоса.

– Смотрите, смотрите! – кричали дети в одной деревне, – утки лягушку несут!

Лягушка услышала это, и у неё прыгало сердце.

– Смотрите, смотрите! – кричали в другой деревне взрослые, – вот чудо-то!

«Знают ли они, что это придумала я, а не утки?» – подумала квакушка.

– Смотрите, смотрите! – кричали в третьей деревне. –

Экое чудо! И кто это придумал такую хитрую штуку?

Тут лягушка уж не выдержала и, забыв всякую осторожность, закричала изо всей мочи:

– Это я! Я!

И с этим криком она полетела вверх тормашками на землю. Утки громко закричали; одна из них хотела подхватить бедную спутницу на лету, но промахнулась. Лягушка, дрыгая всеми четырьмя лапками, быстро падала на землю; но так как утки летели очень быстро, то и она упала не прямо на то место, над которым закричала и где была твёрдая дорога, а гораздо дальше, что было для неё большим счастьем, потому что она бултыхнулась в грязный пруд на краю деревни.

Она скоро вынырнула из воды и тотчас же опять стгоряча закричала во всё горло:

– Это я! Это я придумала!

Но вокруг неё никого не было. Испуганные неожиданным плеском, местные лягушки все попрятались в воду. Когда они начали показываться из неё, то с удивлением смотрели на новую.

И она рассказала им чудную историю о том, как она думала всю жизнь и наконец изобрела новый, необыкновенный способ путешествия на утках; как у неё были свои собственные утки, которые носили её, куда ей было угодно; как она побывала на прекрасном юге, где так хорошо, где такие прекрасные тёплые болота и так много мошек и всяких других съедобных насекомых.

– Я захала к вам посмотреть, как вы живёте, – сказала она. – Я пробуду у вас до весны, пока не вернутся мои утки, которых я отпустила.

Но утки уж никогда не вернулись. Они думали, что ква-кушка разбилась о землю, и очень жалели её.

Справочное бюро

Что за пёстренькая лягушка?

В умеренных широтах окраска лягушек обычно маскировочная – в коричневатых или зеленоватых тонах с пятнышками. Так окрашены прудовая, озёрная, травяная и остромордая лягушки. Лягушки выглядят блестящими, потому что их кожа покрыта слизью, что позволяет лягушке дышать не только с помощью лёгких, но и через кожу.

Почему лягушки не квакают осенью?

Лягушки могут квакать в любое время, когда они активны – с весны до осени, кваканье – это способ их общения между собой. Но наиболее громкое кваканье разносится над водоёмами в тёплые майские вечера и ночи – лягушек даже прозвали «болотными соловьями». Весной у лягушек брачный период, и кваканье самцов привлекает самок.

Неужели утка не может проглотить лягушку?

Утки питаются, процеживая воду с помощью плоского клюва, – их рацион состоит главным образом из различных растений, но они с удовольствием съедают мелких водных членистоногих, не брезгуют моллюсками, мелкой рыбой, головастиками и даже лягушками – хотя проглотить могут только молодых особей. В зимний период утки не отказываются от хлеба и зерна, но это не их пища.

Что такое юг? Куда летят утки?

Юг – сторона света, противоположная северу. В полдень солнце находится на юге. Юг ассоциируется у нас с теплом и вечным летом. Учёные проследили пути сезонных миграций уток и выяснили, что разные популяции летят на зимовку в

разные места.

Российские утки улетают в Средиземноморье, на Кавказ, в среднюю Азию и даже северную Африку – туда, где водоёмы зимой не замерзают и достаточно пищи. Впрочем, в крупных городах немалая часть уток ведёт оседлый образ жизни.

У какого дерева мог быть такой прочный прутик?

Лягушки средней полосы весят до 200 г. Скорее всего, герои взяли ивовый прутик. Свежий ивовый прутик толщиной с карандаш способен справиться с такой задачей. Однако, высыхая, ива становится хрупкой, поэтому прутик придётся периодически менять.

На какой высоте летают утки?

Обычно уткикряквы летают на высоте 150–300 м, но известны случаи, когда эти птицы поднимались до 6400 м. Во время миграций утки обычно не поднимаются выше 500 м, а за счёт частых взмахов крыльев достигают скорости 60–70 км/ч. Не так много птиц способны подняться выше и лететь быстрее.

Что такое рожь? Зачем её молотят?

Рожь относится к хлебным злакам. Раньше: рожь жали (срезали побеги) с помощью серпов, связывали в снопы для удобства транспортировки, затем обмолачивали с помощью цепа – конструкции из двух палок, соединённых цепью, провевали зерно, чтобы отделить его от колосковых чешуй, и, наконец, перемалывали в муку.

Есть ли у лягушки сердце?

У лягушки, как и у всех позвоночных животных, есть сердце, хотя оно устроено не так, как у человека.

У лягушки сердце трёхкамерное – у него есть два предсердия и желудочек, в котором венозная и артериальная кровь частично смешиваются. Лягушки намного древнее человека, поэтому их сердце устроено примитивнее.

Attalea princeps

В одном большом городе был ботанический сад, а в этом саду – огромная **оранжерея** из железа и стекла. Она была очень красива: стройные витые колонны поддерживали всё здание; на них опирались лёгкие узорчатые арки, переплетённые между собою целой паутиной железных рам, в которые были вставлены стёкла. Особенно хороша была оранжерея, когда солнце заходило и освещало её красным светом. Тогда она вся горела, красные отблески играли и переливались, точно в огромном, мелко отшлифованном драгоценном камне.

Сквозь толстые прозрачные стёкла виднелись заключённые растения. Несмотря на величину оранжереи, им было в ней тесно. Корни переплелись между собою и **отнимали друг у друга влагу и пищу**. Ветви деревьев мешались с огромными листьями пальм, гнули и ломали их и сами, налегая на железные рамы, гнулись и ломались. Садовники постоянно обрезали ветви, подвязывали проволоками листья, чтобы они не могли расти, куда хотят, но это плохо помогало. Для растений нужен был широкий простор, родной край и свобода. Они были уроженцы жарких стран, нежные, роскошные создания; они помнили свою родину и тосковали о ней. Как ни прозрачна стеклянная крыша, но она не ясное небо. Иногда, зимой, стёкла обмерзали; тогда в оранжерее стано-

вилось совсем темно. Гудел ветер, бил в рамы и заставлял их дрожать. Крыша покрывалась наметённым снегом. Растения стояли и слушали вой ветра и вспоминали иной ветер, тёплый, влажный, дававший им жизнь и здоровье. И им хотелось вновь почувствовать его веянье, хотелось, чтобы он покачал их ветвями, поиграл их листьями. Но в оранжерее воздух был неподвижен; разве только иногда зимняя буря выбивала стекло, и резкая, холодная струя, полная инея, влетала под свод. Куда попадала эта струя, там листья бледнели, съёживались и увядали.

Но стёкла вставляли очень скоро. Ботаническим садом управлял отличный учёный директор и не допускал никакого беспорядка, несмотря на то что большую часть своего времени проводил в занятиях с микроскопом в особой стеклянной будочке, устроенной в главной оранжерее.

Была между растениями одна пальма, выше всех и красивее всех. Директор, сидевший в будочке, называл её полатыни *Attalea*! Но это имя не было её родным именем: его придумали ботаники. Родного имени ботаники не знали, и оно не было написано сажей на белой дощечке, прибитой к стволу пальмы. Раз пришёл в ботанический сад приезжий из той жаркой страны, где выросла пальма; когда он увидел её, то улыбнулся, потому что она напомнила ему родину.

– А! – сказал он. – Я знаю это дерево. – И он назвал его родным именем.

– Извините, – крикнул ему из своей будочки директор,

в это время внимательно разрезывавший бритвою какой-то стебелёк, – вы ошибаетесь. Такого дерева, какое вы изволили сказать, не существует. Это – **Attalea princeps**, родом из Бразилии.

– О да, – сказал бразильянец, – я вполне верю вам, что ботаники называют её – Attalea, но у неё есть и родное, настоящее имя.

– Настоящее имя есть то, которое даётся наукой, – сухо сказал ботаник и запер дверь будочки, чтобы ему не мешали люди, не понимавшие даже того, что уж если что-нибудь сказал человек науки, так нужно молчать и слушаться.

А бразильянец долго стоял и смотрел на дерево, и ему становилось всё грустнее и грустнее. Вспомнил он свою родину, её солнце и небо, её роскошные леса с чудными зверями и птицами, её пустыни, её чудные южные ночи. И вспомнил ещё, что нигде не бывал он счастлив, кроме родного края, а он объехал весь свет. Он коснулся рукою пальмы, как будто бы прощаясь с нею, и ушёл из сада, а на другой день уже ехал на пароходе домой.

А пальма осталась. Ей теперь стало ещё тяжелее, хотя и до этого случая было очень тяжело. Она была совсем одна. На пять сажен возвышалась она над верхушками всех других растений, и эти другие растения не любили её, завидовали ей и считали гордою. Этот рост доставлял ей только одно горе; кроме того, что все были вместе, а она была одна, она лучше всех помнила своё родное небо и больше всех тосковала о

нём, потому что ближе всех была к тому, что заменяло им его: к гадкой стеклянной крыше. Сквозь неё ей виднелось иногда что-то голубое: то было небо, хоть и чужое, и бледное, но всё-таки настоящее голубое небо. И когда растения болтали между собою, Attalea всегда молчала, тосковала и думала только о том, как хорошо было бы постоять даже и под этим бледненьким небом.

– Скажите, пожалуйста, скоро ли нас будут поливать? – спросила **саговая пальма**, очень любившая сырость. – Я, право, кажется, засохну сегодня.

– Меня удивляют ваши слова, соседка, – сказал **пузатый кактус**. – Неужели вам мало того огромного количества воды, которое на вас выливают каждый день? Посмотрите на меня: мне дают очень мало влаги, а я всё-таки свеж и сочен.

– Мы не привыкли быть чересчур бережливыми, – отвечала саговая пальма. – Мы не можем расти на такой сухой и дрянной почве, как какие-нибудь кактусы. Мы не привыкли жить как-нибудь. И кроме всего этого, скажу вам ещё, что вас не просят делать замечания.

Сказав это, саговая пальма обиделась и замолчала.

– Что касается меня, – вмешалась корица, – то я почти довольна своим положением. Правда, здесь скучновато, но уж я, по крайней мере, уверена, что меня никто не обдерёт.

– Но ведь не всех же нас обдирали, – сказал **древовидный папоротник**. – Конечно, многим может показаться раем и эта тюрьма после жалкого существования, которое они

вели на воле.

Тут корица, забыв, что её обдирали, оскорбилась и начала спорить. Некоторые растения вступились за неё, некоторые за папоротник, и началась горячая перебранка. Если бы они могли двигаться, то непременно бы подрались.

– Зачем вы ссоритесь? – сказала Attalea. – Разве вы можете себе этим? Вы только увеличиваете своё несчастье злобою и раздражением. Лучше оставьте ваши споры и подумайте о деле. Послушайте меня: растите выше и шире, раскидывайте ветви, напирайте на рамы и стёкла, наша оранжерея рассыплется в куски, и мы выйдем на свободу. Если одна какая-нибудь ветка упрётся в стекло, то, конечно, её отрежут, но что сделают с сотней сильных и смелых стволов? Нужно только работать дружнее, и победа за нами.

Сначала никто не возражал пальме: все молчали и не знали, что сказать. Наконец саговая пальма решилась.

– Всё это глупости, – заявила она.

– Глупости! Глупости! – заговорили деревья, и все разом начали доказывать Attalea, что она предлагает ужасный вздор. – Несбыточная мечта! – кричали они. – Вздор! Нелепость! Рамы прочны, и мы никогда не сломаем их, да если бы и сломали, так что ж такое? Придут люди с ножами и с топорами, отрубят ветви, заделают рамы и всё пойдёт по-старому. Только и будет, что отрежут от нас целые куски...

– Ну, как хотите! – отвечала Attalea. – Теперь я знаю, что мне делать. Я оставляю вас в покое: живите, как хотите, вор-

чите друг на друга, спорьте из-за подачек воды и оставайтесь вечно под стеклянным колпаком. Я и одна найду себе дорогу. Я хочу видеть небо и солнце не сквозь эти решётки и стёкла, – и я увижу!

И пальма гордо смотрела зелёной вершиной на лес товарищей, раскинутый под нею. Никто из них не смел ничего сказать ей, только саговая пальма тихо сказала соседке-цикаде:

– Ну, посмотрим, посмотрим, как тебе отрежут твою большую башку, чтобы ты не очень зазнавалась, гордячка!

Остальные хоть и молчали, но всё-таки сердились на Attalea за её гордые слова. Только одна маленькая травка не сердилась на пальму и не обиделась её речами. **Это была самая жалкая и презренная травка из всех растений оранжереи:** рыхлая, бледненькая, ползучая, с вялыми толстенькими листьями. В ней не было ничего замечательного, и она употреблялась в оранжерее только для того, чтобы закрывать голую землю. Она обвивала собою подножие большой пальмы, слушала её, и ей казалось, что Attalea права. Она не знала южной природы, но тоже любила воздух и свободу. Оранжерея и для неё была тюрьмой. «Если я, ничтожная, вялая травка, так страдаю без своего серенького неба, без бледного солнца и холодного дождя, то что должно испытывать в неволе это прекрасное и могучее дерево! – так думала она и нежно обвивалась около пальмы и ласкалась к ней. – Зачем я не большое дерево? Я послушалась бы совета.

Мы росли бы вместе и вместе вышли бы на свободу. Тогда и остальные увидели бы, что Attalea права».

Но она была не большое дерево, а только маленькая и вялая травка. Она могла только ещё нежнее обвитья около ствола Attalea и прошептать ей свою любовь и желание счастья в попытке.

– Конечно, у нас вовсе не так тепло, небо не так чисто, дожди не так роскошны, как в вашей стране, но всё-таки и у нас есть и небо, и солнце, и ветер. **У нас нет таких пышных растений, как вы и ваши товарищи**, с такими огромными листьями и прекрасными цветами, но и у нас растут очень хорошие деревья: сосны, ели и берёзы. Я – маленькая травка и никогда не доберусь до свободы, но ведь вы так велики и сильны! Ваш ствол твёрд, и вам уже недолго осталось расти до стеклянной крыши. Вы пробьёте её и выйдете на божий свет. Тогда вы расскажете мне, всё ли там так же прекрасно, как было. Я буду довольна и этим.

– Отчего же, маленькая травка, ты не хочешь выйти вместе со мною? Мой ствол твёрд и крепок: опирайся на него, ползи по мне. Мне ничего не значит снести тебя.

– Нет уж, куда мне! Посмотрите, какая я вялая и слабая: я не могу приподнять даже одной своей веточки. Нет, я вам не товарищ. Растите, будьте счастливы. Только прошу вас, когда выйдете на свободу, вспоминайте иногда своего маленького друга!

Тогда пальма принялась расти. И прежде посетители

оранжереи удивлялись её огромному росту, а она становилась с каждым месяцем выше и выше. Директор ботанического сада приписывал такой быстрый рост хорошему уходу и гордился знанием, с каким он устроил оранжерею и вёл своё дело.

– Да-с, взгляните-ка на *Attalea princeps*, – говорил он. – Такие рослые экземпляры редко встречаются и в Бразилии. Мы приложили всё наше знание, чтобы растения развивались в теплице совершенно так же свободно, как и на воле, и, мне кажется, достигли некоторого успеха.

При этом он с довольным видом похлопывал твёрдое дерево своею тростью, и удары **звонко раздавались по оранжерее**. Листья пальмы вздрагивали от этих ударов. О, если бы она могла стонать, какой вопль гнева услышал бы директор!

«Он воображает, что я расту для его удовольствия, – думала *Attalea*. – Пусть воображает!..»

И она росла, тратя все соки только на то, чтобы вытянуться, и лишая их свои корни и листья. Иногда ей казалось, что расстояние до свода не уменьшается. Тогда она напрягала все силы. Рамы становились всё ближе и ближе, и наконец молодой лист коснулся холодного стекла и железа.

– Смотрите, смотрите, – заговорили растения, – куда она забралась! Неужели решится?

– Как она страшно выросла, – сказал древовидный папоротник.

– Что ж, что выросла! Эка невидаль! Вот если б она сумела растолстеть так, как я! – сказала толстая цикада, со стволом, похожим на бочку. – И чего тянется? Всё равно ничего не сделает. Решётки прочны, и стёкла толсты.

Прошёл ещё месяц. Attalea подымалась. Наконец она плотно упёрлась в рамы. Расти дальше было некуда. Тогда ствол начал сгибаться. Его листовая вершина скомкалась, холодные прутья рамы впились в нежные молодые листья, перерезали и изуродовали их, но дерево было упрямо, не жалело листьев, несмотря ни на что давило на решётки, и решётки уже подавались, хотя были сделаны из крепкого железа.

Маленькая травка следила за борьбой и замирала от волнения.

– Скажите мне, неужели вам не больно? Если рамы уж так прочны, не лучше ли отступить? – спросила она пальму.

– Больно? Что значит больно, когда я хочу выйти на свободу? Не ты ли сама ободряла меня? – ответила пальма.

– Да, я ободряла, но я не знала, что это так трудно. Мне жаль вас. Вы так страдаете.

– Молчи, слабое растение! Не жалея меня! Я умру или освобожусь!

И в эту минуту раздался звонкий удар. Лопнула толстая железная полоса. Посыпались и зазвенели осколки стёкол. Один из них ударил в шляпу директора, выходившего из оранжереи.

– Что это такое? – вскрикнул он, вздрогнув, увидя летящие по воздуху куски стекла. Он отбежал от оранжереи и посмотрел на крышу. Над стеклянным сводом гордо высилась выпрямившаяся зелёная крона пальмы.

«Только-то? – думала она. – И это всё, из-за чего я томила и страдала так долго? И этого-то достигнуть было для меня высочайшею целью?»

Была глубокая осень, когда Attalea выпрямила свою вершину в пробитое отверстие. Моросил мелкий дождик пополам со снегом; ветер низко гнал серые клочковатые тучи. Ей казалось, что они охватывают её. Деревья уже оголились и представлялись какими-то безобразными мертвецами. Только на соснах да на елях стояли тёмно-зелёные хвои. Угрюмо смотрели деревья на пальму: «Замёрзнешь! – как будто говорили они ей. – Ты не знаешь, что такое мороз. Ты не умеешь терпеть. Зачем ты вышла из своей теплицы».

И Attalea поняла, что для неё всё было кончено. **Она застывала.** Вернуться снова под крышу? Но она уже не могла вернуться. Она должна была стоять на холодном ветре, чувствовать его порывы и острое прикосновение снежинок, смотреть на грязное небо, на нищую природу, на грязный задний двор ботанического сада, на скучный огромный город, видневшийся в тумане, и ждать, пока люди там, внизу, в теплице, не решат, что делать с нею.

Директор приказал спилить дерево.

– Можно бы надстроить над нею особенный колпак, – ска-

зал он, – но надолго ли это? Она опять вырастет и всё сломает. И притом это будет стоить чересчур дорого. Спилить её!

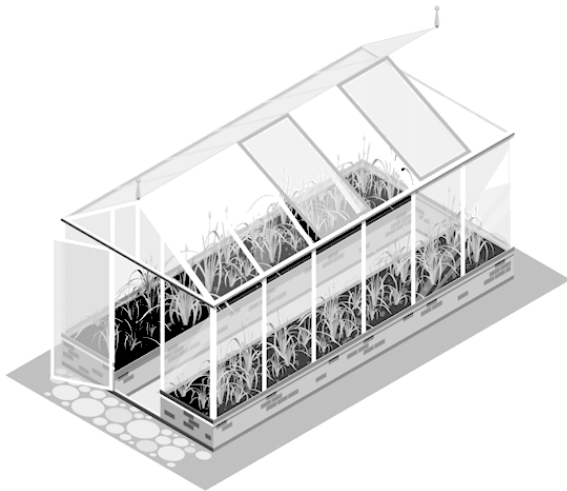
Пальму привязали канатами, чтобы, падая, она не разбила стен оранжереи, и низко, у самого корня, перепилили её. Маленькая травка, обвивавшая ствол дерева, не хотела расстаться со своим другом и тоже попала под пилу. Когда пальму вытащили из оранжереи, на отрезе оставшегося пня валялись разможжённые пилою, истерзанные стебельки и листья.

– Вырвать эту дрянь и выбросить, – сказал директор. – Она уже пожелтела, да и пила очень испортила её. Посадить здесь что-нибудь новое.

Один из садовников ловким ударом заступы вырвал целую охапку травы. Он бросил её в корзину, вынес и выбросил на задний двор, прямо на мёртвую пальму, лежавшую в грязи и уже полусасыпанную снегом.

Справочное бюро

Что такое оранжерея?

Оранжерея – это специальная постройка для выращивания теплолюбивых растений, которые не смогут выжить в открытом грунте. Стены и крыша у неё стеклянные или из прозрачного пластика, с узкими металлическими рамами, чтобы растения получали как можно больше света. Внутри оранжереи создаётся особый микроклимат, поскольку стекло задерживает солнечное тепло, а также есть системы полива, осве-

щения и отопления. Оранжевые и оранжевый цвет получили своё название от одного растения – апельсина (orange).

Какую пищу отнимали друг у друга растения? Что за пища у растений?

Растения умеют улавливать углекислый газ из воздуха и воду из почвы и преобразовывать их в органические вещества – этот сложный процесс называется фотосинтез, а кислород, который образуется в результате, растениям в таких количествах не нужен, и они выделяют его в атмосферу. Кроме того, растения берут из почвы растворённые в воде органические и минеральные вещества – важнейшими для них являются соединения азота, фосфора и калия, в меньших количествах нужны магний, кальций и сера, а также крошечные количества многих элементов таблицы Менделеева – их называют микроэлементами.

Что это за пальма? Какая она?

Атталея – род семейства Пальмовые, включающий около 70 видов, произрастающих в тропических областях Америки. Внешне это типичная пальма с неразветвлённым стволом и кроной из крупных перистых листьев на верхушке. Местное население использует в хозяйстве волокна этой пальмы. За пределами естественного ареала атталей культивируют как декоративные оранжерейные растения. Латинское название нашей героини – атталейя принцепс – созвучно и родственно слову «принц», его можно перевести как «лидер, вождь, идейный вдохновитель».

Пальмы и кактусы живут в разных местах?

Саговая пальма произрастает в тропиках Юго-Восточной Азии. Это небольшая пальма высотой до 9 м, с толстым стволом, из которого получают саго – важный компонент питания местных жителей, содержащий крахмал. Кактусы – растения Южной и Северной Америки. Они запасают влагу в стеблях (в зависимости от вида они чаще похожи или на шары, или на столбы, а их листья превратились в колючки). Именно кактусы создают характерный пейзаж американских

пустынь. Соседство кактуса и пальмы в одной оранжерее с точки зрения ботаники странно – у них разный температурно-влажностный режим.

Что за растение древовидный папоротник?

Папоротники – очень древняя и разнообразная группа растений. Древовидные папоротники играли важную роль в предыдущие геологические эпохи – они появились в девонском периоде (около 400 млн лет назад). У всех папоротников особые листья – вайи – сначала они свёрнуты улиткой,

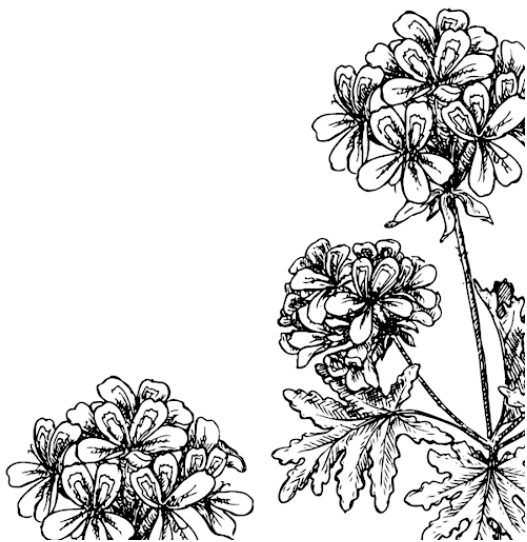
а по мере роста раскручиваются и распрямляются, а по сути своей – это система видоизменённых побегов. В умеренных широтах растут только травянистые папоротники, но в тропиках не редкость древовидные папоротники, внешне напоминающие пальмы с «кроной» из характерных папоротниковых листьев.

Что это за травка?

В оранжереях тоже есть свои сорняки – как правило, сорняки из открытого грунта в оранжереи «не допускаются», но некоторые оранжерейные растения размножаются очень активно. Как правило, их оставляют в качестве почвопокровных растений – почва, покрытая растениями, меньше иссушается, что создаёт более благоприятную среду для корней, да и растительные композиции выглядят намного естественнее, ближе к природе. Чаще всего в оранжереях всё заполняют селлагинеллы – они относятся к плауновидным, и цим-

балярия постенная – однолетнее цветковое растение из семейства Норичниковые, с мелкими цветками и округлыми листьями, напоминающими листья пеларгонии – «комнатной герани».

Почему на юге у деревьев листья большие, а на севере маленькие?

Юг бывает разный в плане климатических условий (пустыни – это тоже юг для жителя средней полосы), и чёткой закономерности между географией и величиной листьев не может быть. А вот между размером листьев и влажностью определённая зависимость есть. Растения, которые привыкли жить при достаточном количестве влаги, обычно имеют крупные листья – например, это растения дождевых тропических лесов или берегов водоёмов. В засушливых местах, там, где влага в дефиците, растения вынуждены её экономить – листья не только уменьшаются в размерах, но могут и совсем исчезнуть, превратившись в чешуйки или колючки.

Почему был такой звук? Пальмы пустотелые?

У пальм мягкая древесина, но полости внутри нет, как нет и годичных колец, характерных для деревьев умеренных широт. Стволы всех видов пальм покрыты одревесневшими основаниями опавших листьев, что создаёт неповторимый для каждого вида рисунок. Если постучать по стволу, то звонкий звук характерен для здоровых деревьев (а человек научился делать звук деревьев ещё красивее – сколько музыкальных инструментов изготовлены из дерева!), а глухой звук указывает на проблемы – например, на сердцевинную гниль.

Неужели тропические деревья сразу погибают от холода? Какие температуры они выдерживают?

Увы, это так. Если бы тропические и субтропические растения могли выжить в открытом грунте, то не было бы ни оранжерей, ни комнатного цветоводства – в них просто не было бы необходимости. У растений умеренных широт есть адаптации к суровому климату – листопад, состояние покоя, особенности физиологии, – которыми уроженцы тропиков не обладают. Достаточно кратковременного понижения температуры до нуля (или сквозняка), чтобы тропическое растение погибло. Некоторые виды выдерживают кратковременные лёгкие заморозки, но теряют декоративность, другие погибают даже при слабых положительных температурах – на

их родине такого не бывает.

То, чего не было

В один прекрасный июньский день, – а прекрасный он был потому, что было двадцать восемь градусов **по Реомюру**, – в один прекрасный июньский день было везде жарко, а на полянке в саду, где стояла копна недавно скошенного сена, было ещё жарче, потому что место было закрытое от ветра густым-прегустым вишняком. Всё почти спало: люди наелись и занимались послеобеденными боковыми занятиями; птицы примолкли, даже многие насекомые попрятались от жары. О домашних животных нечего и говорить: скот крупный и мелкий прятался под навес; собака, вырыв себе под амбаром яму, улеглась туда и, полузакрыв глаза, прерывисто дышала, **высунув розовый язык чуть не на пол-аршина**; иногда она, очевидно от тоски, происходящей от смертельной жары, так зевала, что при этом даже раздавался тоненький визг; свиньи, маменька с тринадцатью детками, отправились на берег и улеглись в чёрную жирную грязь, причём из грязи видны были только сопевшие и храпевшие свиньи пятачки с двумя дырочками, продолговатые, облитые грязью спины да огромные повислые уши. Одни куры, не боясь жары, кое-как убивали время, разгребая лапами сухую землю против кухонного крыльца, в которой, как они отлично знали, не было уже ни одного зёрнышка; да и то петуху, должно быть, приходилось плохо, потому что иногда он принимал

глупый вид и во всё горло кричал: «какой ска-ан-да-ал!!»

Вот мы и ушли с полянки, на которой жарче всего, а на этой-то полянке и сидело целое общество неспавших господ. То есть сидели-то не все; старый гнедой, например, с опасностью для своих боков от кнута кучера Антона разгребавший копну сена, будучи лошадю, вовсе и сидеть не умел; гусеница какой-то бабочки тоже не сидела, а скорее лежала на животе: но дело ведь не в слове. Под вишнею собралась маленькая, но очень серьёзная компания: улитка, навозный жук, ящерица, вышеупомянутая гусеница; прискакал кузнецик. Возле стоял и старый гнедой, прислушиваясь к их речам одним, повёрнутым к ним, гнедым ухом с торчащими изнутри тёмно-серыми волосами; а на гнедом сидели две мухи.

Компания вежливо, но довольно одушевлённо спорила, причём, как и следует быть, никто ни с кем не соглашался, так как каждый дорожил независимостью своего мнения и характера.

– По-моему, – говорил навозный жук, – порядочное животное прежде всего должно заботиться о своём потомстве. Жизнь есть труд для будущего поколения. Тот, кто сознательно исполняет обязанности, возложенные на него природой, тот стоит на твёрдой почве: он знает своё дело, и, что бы ни случилось, он не будет в ответе. Посмотрите на меня: кто трудится больше моего? Кто целые дни без отдыха катает такой тяжёлый шар – шар, мною же столь искусно созданный из навоза, с великой целью дать возможность вырасти

новым, подобным мне, навозным жукам? Но зато не думаю, чтобы кто-нибудь был так спокоен совестью и с чистым сердцем мог бы сказать: «да, я сделал всё, что мог и должен был сделать», как скажу я, когда на свет явятся новые навозные жуки. Вот что значит труд!

– Поди ты, братец, со своим трудом! – сказал муравей, притащивший во время речи навозного жука, несмотря на жару, чудовищный кусок сухого стебелька. Он на минуту остановился, присел на четыре задние ножки, а двумя передними отёр пот со своего измученного лица. – И я ведь тружусь, и побольше твоего. Но ты работаешь для себя или, всё равно, для своих жученят; не все так счастливы... попробовал бы ты потаскать брёвна для казны, вот как я. Я и сам не знаю, что заставляет меня работать, выбиваясь из сил, даже и в такую жару. Никто за это и спасибо не скажет. Мы, несчастные рабочие муравьи, всё трудимся, а чем красна наша жизнь? Судьба!..

– Вы, навозный жук, слишком сухо, а вы, муравей, слишком мрачно смотрите на жизнь, – возразил им кузнечик. – Нет, жук, я люблю-таки потрещать и попрыгать, и ничего! Совесть не мучит! Да притом вы несколько не коснулись вопроса, поставленного госпожой ящерицей: она спросила, «что есть мир?», а вы говорите о своём навозном шаре; это даже невежливо. Мир – мир, по-моему, очень хорошая вещь уже потому, что в нём есть для нас молодая травка, солнце и ветерок. Да и велик же он! Вы здесь, между этими деревья-

ми, не можете иметь никакого понятия о том, как он велик. Когда я бываю в поле, я иногда вспрыгиваю, как только могу, вверх и, уверяю вас, **достигаю огромной высоты**. И с неё-то вижу, что миру нет конца.

– Верно, – глубокомысленно подтвердил гнедой. – Но всем вам всё-таки не увидеть и сотой части того, что видел на своём веку я. Жаль, что вы не можете понять, что такое верста... За версту отсюда есть деревня Лупарёвка: туда я каждый день езжу с бочкой за водой. Но там меня никогда не кормят. А с другой стороны Ефимовка, Кисляковка; в ней церковь с колоколами. А потом Свято-Троицкое, а потом Богоявленск. В Богоявленске мне всегда дают сена, но сено там плохое. А вот в Николаеве, – это такой город, двадцать восемь вёрст отсюда, – так там сено лучше и овёс дают, только я не люблю туда ездить: туда ездит на нас барин и велит кучеру погонять, а кучер больно стегает нас кнутом... А то есть ещё Александровка, Белозёрка, Херсон-город тоже... Да только куда вам понять всё это!.. Вот это-то и есть мир; не весь, положим, ну да всё-таки значительная часть.

И гнедой замолчал, но нижняя губа у него всё ещё шевелилась, точно он что-нибудь шептал. Это происходило от старости: ему был уже семнадцатый год, а для лошади это всё равно, что для человека семьдесят седьмой.

– Я не понимаю ваших мудрёных лошадиных слов, да, признаться, и не гонюсь за ними, – сказала улитка. – Мне был бы лопух, а его довольно: вот уже я четыре дня ползу, а

он всё ещё не кончается. А за этим лопухом есть ещё лопух, а в том лопухе, наверно, сидит ещё улитка. Вот вам и всё. И прыгать никуда не нужно – всё это выдумки и пустяки; сиди себе да ешь лист, на котором сидишь. Если бы не лень ползти, давно бы ушла от вас с вашими разговорами; от них голова болит и больше ничего.

– Нет, позвольте, отчего же? – перебил кузнечик, – потрепать очень приятно, особенно о таких хороших предметах, как бесконечность и прочее такое. Конечно, есть практические натуры, которые только и заботятся о том, как бы набить себе живот, как вы или вот эта прелестная гусеница...

– Ах, нет, оставьте меня, прошу вас, оставьте, не троньте меня! – жалобно воскликнула гусеница: – я делаю это для будущей жизни, только для будущей жизни.

– Для какой там ещё будущей жизни? – спросил гнедой.

– Разве вы не знаете, что я **после смерти сделаюсь бабочкой с разноцветными крыльями?**

Гнедой, ящерица и улитка этого не знали, но насекомые имели кое-какое понятие. И все немного помолчали, потому что никто не умел сказать ничего путного о будущей жизни.

– К твёрдым убеждениям нужно относиться с уважением, – затрещал, наконец, кузнечик. – Не желает ли кто сказать ещё что-нибудь? Может быть, вы? – обратился он к мухам, и старшая из них ответила:

– Мы не можем сказать, чтобы нам было худо. Мы сейчас только из комнат; барыня расставила в мисках наваренное

варенье, и мы забрались под крышку и наелись. Мы довольны. Наша маменька увязла в варенье, но что ж делать? Она уже довольно пожила на свете. А мы довольны.

– Господа, – сказала ящерица, – я думаю, что все вы совершенно правы! Но с другой стороны...

Но ящерица так и не сказала, что было с другой стороны, потому что почувствовала, как что-то крепко прижало её хвост к земле.

Это пришёл за гнедым проснувшийся кучер Антон; он нечаянно наступил своим сапожищем на компанию и раздавил её. Одни мухи улетели обсасывать свою мёртвую, обманную вареньем, маменьку, да ящерица убежала с оторванным хвостом. Антон взял гнедого за чуб и повёл его из сада, чтобы запрячь в бочку и ехать за водой, причём приговаривал: «ну, иди ты, хвостяка!», на что гнедой ответил только шептаньем.

А ящерица осталась без хвоста. Правда, **через несколько времени он вырос**, но навсегда остался каким-то тупым и черноватым. И когда ящерицу спрашивали, как она повредила себе хвост, то она скромно отвечала:

– Мне оторвали его за то, что я решилась высказать свои убеждения.

И она была совершенно права.

Справочное бюро

Что за система измерения по Реомюру?

Температурная шкала Реомюра сейчас практически не употребляется – её вытеснила более удобная 100градусная шкала Цельсия. Названа в честь французского учёного Рене Антуана Реомюра, который изобрёл спиртовой термометр в 1730 г. На его шкале 0 градусов соответствовал точке замерзания воды, 80 – вопреки популярному заблуждению – точка кипения спирта, а не воды. 28 градусов Реомюра соответствуют 35 градусам Цельсия – то есть день был жаркий.

Зачем собака так дышала? Это помогает от жары?

Высунуть язык на поларшина (31 см) собаке, конечно, невозможно, это художественное преувеличение. У собаки

нет потовых желёз, она не может потеть, а чтобы спастись от перегрева в жару или после физической нагрузки, она дышит с открытым ртом. Чем шире открыт рот – тем больше поверхность испарения и тем эффективнее охлаждение. Чем гуще и длиннее шерсть собаки – тем чаще можно наблюдать такое дыхание.

Зачем навозный жук катает шар? Как это помогает вырасти новым жукам?

Личинки жуковнавозников питаются падалью или помё-

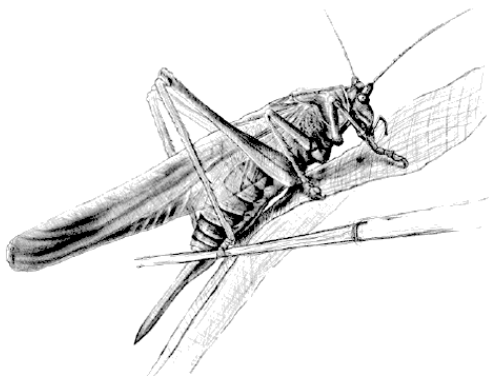
том животных, взрослые жуки – помётом или грибами, у некоторых видов взрослые особи вообще не питаются. У жуковнавозников забота о потомстве выглядит странно с человеческой точки зрения – они откладывают яйца в норку и оставляют там запас навоза для питания будущих личинок. Крупные шары, часто превосходящие в размерах самого жука, катают скарабеи священные – самый известный вид навозников. В брачный период совместное катание шаров способствует образованию пар.

На какую высоту может прыгнуть кузнечик?

Строго говоря, у кузнечиков не прыжок, а своеобразный полёт, поскольку они отталкиваются ногами, но, находясь в воздухе, пользуются крыльями. Кузнечик может прыгнуть в

длину на расстояние, превышающее длину его тела в 40 раз, а в высоту – на 20 длин своего тела. На передних ногах кузнечика располагаются их органы слуха – почти незаметные отверстия с перепонкой, а стрекочет кузнечик за счёт трения крыльев друг о друга – на них есть зазубрины, а принцип действия похож на смычок и скрипку.

Как это происходит? Гусеница должна умереть, чтобы появилась бабочка?

В какой-то мере это так, и у многих народов превращение гусеницы в бабочку – это метафора перехода к загробной жизни, хотя между стадиями гусеницы и взрослой бабочки есть ещё стадия куколки. Яйца и куколки – покоящиеся стадии, и именно так бабочки переживают зиму. Обычно пол-

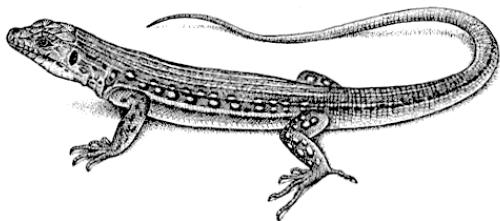
ный цикл превращений бабочки проходит в течение одного календарного года, но у бабочек-волнянок, живущих в Арктике, гусеницы способны замерзать и оттаивать, а весь цикл длится до 14 лет. Продолжительность жизни имаго (взрослой особи) бабочки – от нескольких часов до нескольких месяцев, в среднем – 2–3 недели.

Как у ящерицы отрастает новый хвост?

В мире существует около 6000 видов ящериц, и отбрасывать хвост умеют не все. Но обычные в России прыткая и живородящая ящерицы отбрасывают хвост, чтобы спасти себе жизнь. Они не умирают от кровотечения, поскольку мышцы очень сильно сокращаются и пережимают кровеносные сосуды. Отброшенный хвост какое-то время продолжает из-

виваться, пугая хищника и сбивая его с толку, а ящерица успевает скрыться. Хвост затем восстанавливается, у прыткой ящерицы – за 3–4 недели, у живородящей – примерно за год, но будет заметно темнее, а вместо позвонков внутри хвоста будет хрящ.

Сказка о жабе и розе

Жили на свете роза и жаба.

Розовый куст, на котором расцвела роза, рос в небольшом полукруглом цветнике перед деревенским домом. Цветник был очень запущен; сорные травы густо разрослись по старым, вросшим в землю клумбам и по дорожкам, которых уже давно никто не чистил и не посыпал песком. Деревянная решётка с колышками, обделанными в виде четырёхгранных пик, когда-то выкрашенная зелёной масляной краской, теперь совсем облезла, рассохлась и развалилась; пики растащили для игры в солдаты деревенские мальчишки и, чтобы отбиваться от сердитого барбоса с компаниею прочих собак, подходившие к дому мужики.

А цветник от этого разрушения стал нисколько не хуже. Остатки решётки заплели хмель, **повилика с крупными белыми цветами** и мышиный горошек, висевший целыми бледно-зелёными кучками, с разбросанными кое-где бледно-лиловыми кисточками цветов. Колючие чертополохи на жирной и влажной почве цветника (вокруг него был большой тенистый сад) достигали таких больших размеров, что казались чуть не деревьями. Жёлтые коровьяки подымали свои усаженные цветами стрелки ещё выше их. Крапива занимала целый угол цветника; она, конечно, жглась, но можно было и издали любоваться её тёмною зеленью, особенно

когда эта зелень служила фоном для нежного и роскошного бледного цветка розы.

Она распустилась в хорошее майское утро; когда она раскрывала свои лепестки, улетавшая утренняя роса оставила на них несколько чистых, прозрачных слезинок. Роза точно плакала. Но вокруг неё всё было так хорошо, так чисто и ясно в это прекрасное утро, когда она в первый раз увидела голубое небо и почувствовала свежий утренний ветерок и лучи сиявшего солнца, проникавшего её тонкие лепестки розовым светом; в цветнике было так мирно и спокойно, что если бы она могла в самом деле плакать, то не от горя, а от счастья жить. Она не могла говорить; она могла только, склонив свою головку, разливать вокруг себя тонкий и свежий запах, и этот запах был её словами, слезами и молитвой.

А внизу, между корнями куста, на сырой земле, как будто прилипнув к ней плоским брюхом, сидела довольно жирная старая жаба, которая проохотилась целую ночь за червяками и мошками и под утро уселась отдыхать от трудов, выбрав местечко потенистее и посырее. Она сидела, закрыв перепонками свои жабыи глаза, и едва заметно дышала, раздувая грязно-серые бородавчатые и липкие бока и отставив одну безобразную лапу в сторону: ей было лень подвинуть её к брюху. Она не радовалась ни утру, ни солнцу, ни хорошей погоде; она уже наелась и собралась отдыхать.

Но когда ветерок на минуту стихал и запах розы не уносился в сторону, жаба чувствовала его, и это причиняло ей

смутное беспокойство; однако она долго ленилась посмотреть, откуда **несётся этот запах**.

В цветник, где росла роза и где сидела жаба, уже давно никто не ходил. Ещё в прошлом году осенью, в тот самый день, когда жаба, отыскав себе хорошую щель под одним из камней фундамента дома, собиралась залезть туда на зимнюю спячку, в цветник в последний раз зашёл маленький мальчик, который целое лето сидел в нём каждый ясный день под окном дома. Взрослая девушка, его сестра, сидела у окна; она читала книгу или шила что-нибудь и изредка поглядывала на брата. Он был маленький мальчик лет семи, с большими глазами и большой головой на худеньком теле. Он очень любил свой цветник (это был его цветник, потому что, кроме него, почти никто не ходил в это заброшенное местечко) и, придя в него, садился на солнышке, на старую деревянную скамейку, стоявшую на сухой песчаной дорожке, уцелевшей около самого дома, потому что по ней ходили закрывать ставни, и начинал читать принесённую с собой книжку.

– Вася, хочешь, я тебе брошу мячик? – спрашивает из окна сестра. – Может быть, ты с ним побегаешь?

– Нет, Маша, я лучше так, с книжкой.

И он сидел долго и читал. А когда ему надоедало читать о Робинзонах, и диких странах, и морских разбойниках, он оставлял раскрытую книжку и забирался в чашу цветника. Тут ему был знаком каждый куст и чуть ли не каждый стебель. Он садился на корточки перед толстым, окружённым

мохнатыми беловатыми листьями стеблем коровьяка, который был втрое выше его, и подолгу смотрел, как муравьиный народ бегают вверх к своим коровам – **травяным тлям**, как муравей деликатно трогает тонкие трубочки, торчащие у тлей на спине, и подбирает чистые капельки сладкой жидкости, показывавшиеся на кончиках трубочек. Он смотрел, как навозный жук хлопотливо и усердно тащит куда-то свой шар, как паук, раскинув хитрую радужную сеть, сторожит мух, как ящерица, раскрыв тупую мордочку, сидит на солнце, блестя зелёными щитиками своей спины; а один раз, под вечер, он увидел живого ежа! Тут и он не мог удержаться от радости и чуть было не закричал и не захлопал руками, но боясь спугнуть колючего зверька, притаил дыхание и, широко раскрыв счастливые глаза, в восторге смотрел, как тот, фыркая, обнюхивал своим свиным рыльцем корни розового куста, ища между ними червей, и смешно перебирал толстенькими лапами, похожими на медвежьи.

– Вася, милый, иди домой, сыро становится, – громко сказала сестра.

И ёжик, испугавшись человеческого голоса, живо надвинул себе на лоб и на задние лапы колючую шубу и превратился в шар. Мальчик тихонько коснулся его колючек; зверек ещё больше съёжился и глухо и торопливо запыхтел, как маленькая паровая машина.

Потом он немного познакомился с этим ёжиком. Он был такой слабый, тихий и кроткий мальчик, что даже разная

звериная мелкота как будто понимала это и скоро привыкала к нему. Какая была радость, когда ёж попробовал молока из принесённого хозяином цветника блюдечка!

В эту весну мальчик не мог выйти в свой любимый уголок. По-прежнему около него сидела сестра, но уже не у окна, а у его постели; она читала книгу, но не для себя, а вслух ему, потому что ему было трудно поднять свою исхудалую голову с белых подушек и трудно держать в тощих руках даже самый маленький томик, да и глаза его скоро утомлялись от чтения. Должно быть, он уже больше никогда не выйдет в свой любимый уголок.

– Маша! – вдруг шепчет он сестре.

– Что, милый?

– Что, в садике теперь хорошо? Розы расцвели?

Сестра наклоняется, целует его в бледную щёку и при этом незаметно стирает слезинку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.